

Переводы и публикации

Артём Юнусов

«Об идеях» Аристотеля (перевод и комментарий). Часть 1 *

ARTEM IUNUSOV

ARISTOTLE'S *ON IDEAS* (A TRANSLATION AND COMMENTARY). PART I

ABSTRACT. This publication presents an annotated Russian translation of fragments and testimonia of Aristotle's early treatise *On Ideas*, which has not survived in its entirety. As far as our sources allow us to judge, this treatise was Aristotle's first published attempt at a critique of the Platonic theory of Forms. Testimonies concerning the existence and content of this treatise are found in late antique commentators; however, everything that can in any sense be identified as its fragments has come down to us in the commentary of Alexander of Aphrodisias on Aristotle's *Metaphysics* A.9. Alexander preserves both the content of several Platonic arguments for the existence of Forms described in this treatise and Aristotle's critique of these arguments. The translation of the fragments and testimonia is preceded by an introduction that provides basic information about the treatise, its content, the sources used for its reconstruction, and the history of its publication. The introduction also explains the editorial decisions concerning the delimitation of the fragments, their grouping, and the division of the text. This first part of the publication consists of the translator's introduction and the translation of the testimonia.

KEYWORDS: Aristotle, Plato, *On Ideas*, ideas, universals.

© А.Т. Юнусов (Москва). forty-two@mail.ru. Институт философии РАН.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 24.1 (2026)

DOI: 10.25985/PI.24.1.15

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00222, <https://rscf.ru/project/24-28-00222/>.

Первичные сведения о трактате¹

О существовании трактата Аристотеля «Об идеях» (Περὶ ἰδεῶν, далее — ОИ), посвященного критике соответствующего платонического учения, нам известно из очень небольшого количества источников. Сам Аристотель в дошедших до нас текстах никогда не упоминает произведения, озаглавленного таким образом, — этим ОИ отличается от некоторых других утраченных работ Аристотеля, таких как «О философии» (*De an.* 404b19)². Наш самый ранний и самый надежный источник в этом отношении — Александр Афродисийский, который в своем комментарии на начало главы А.9 «Метафизики» (78.1–90.2; 97.27–98.24³) не только сообщает нам название и количество книг этого трактата, но также частично пересказывает его содержание. Более поздние комментаторы, судя по всему, говоря о том же самом трактате, либо называют его «О Формах» (Περὶ εἰδῶν⁴: Syriac., T 1–2), либо используют

¹ Я благодарю за обсуждение частей рукописи на различных этапах Ольгу Алиеву, Дмитрия Бугая, Юлию Бурцеву, Василису Бобкову, Надежду Волкову, Александру Воробьеву, Илью Иванова, Евгения Логинова, Светлану Месяц, Арсения Савелова, Ивана Суркова, Тараса Тарасенко и Георгия Черкасова. Я также благодарю редактора «Платоновских исследований» Алексея Гараджу за ценные замечания, которые позволили мне исправить ряд ошибок в тексте.

² Но очень похоже, что ссылка на «экзотерические сочинения» в *Metaph.* M.1, 1076a28–29 и *EE* 1.8, 1217b23–24 имеет в виду именно ОИ. Ср. Wilpert 1949: 23–24.

³ Здесь и далее указание на страницу и строчку античных комментариев на Аристотеля приводится по пагинации классических изданий *Commentaria in Aristotelem Graeca*; в частности, места комментария Александра указываются по пагинации издания Nauck 1891.

⁴ Здесь и в самом переводе я передаю εἶδος как «Форма» за исключением некоторых специально оговоренных случаев. Речь при этом почти всегда идет о платоновских эйдосах, т.е., собственно, идеях. Но переводить εἶδη как «идеи» неразумно ни в контексте обсуждения названия трактата, для которого важна разница между ἰδέα и εἶδος, ни в самом переводе, в рамках которого полное отождествление эйдосов с идеями также создавало бы проблемы (см. Alex. Aphr. *In Metaph.* 87.12–19). Использовать кальку «эйдос» можно было бы в предисловии, но это, на мой взгляд, плохое решение для перевода. В результате я присоединяюсь к западной традиции, которая передает εἶδος как «форма» не только у Аристотеля, но и у Платона; чтобы указать на специфически платонический

описательную формулировку «книги трактата о Формах» (τὰ περὶ τῶν εἰδῶν... βιβλία: Ps.-Alex., Т 3)⁵. Кроме комментаторов Аристотеля о существовании этого трактата сообщает автор схолий на Дионисия Фракийского; этот схолиаст так же, как и Александр, называет этот трактат «Об идеях» (Т 5).

Как видно, уже в вопросе о названии мы видим разногласия между нашими источниками расходятся они и в вопросе о количестве книг трактата. Сириан дважды называет трактат «О Формах» и оба раза сообщает о том, что он состоял из двух книг; ту же информацию сообщают Пс.-Александр и Пс.-Филопон. Автор схолий к Дионисию Фракийскому называет трактат «Об идеях»; сведения о количестве книг из его свидетельства почерпнуть нельзя⁶. Наконец, Александр, который трижды ссылается на эту книгу, указывая ее заголовок, все три раза называет ее «Об идеях» и дважды апеллирует к ее первой книге (79.4; 85.11⁷) и один раз —

контекст употребления этого термина, я пишу его с заглавной буквы, когда он явно означает платоновскую идею.

⁵ К Пс.-Александру здесь можно добавить Псевдо-Филопона (Т 4), чье свидетельство, хотя оно и дошло до нас по-латыни, явно зависимо от комментария Пс.-Александра или источника самого этого комментария — почти дословное совпадение формулировок не оставляет в этом никакого сомнения.

⁶ Современные издатели печатают в тексте этого свидетельства ἐν τοῖς Περι ἰδεῶν, «в [книгах] Об идеях», из чего можно было бы заключить, что книг было несколько. Но, строго говоря, в рукописи мы обнаруживаем ἐν τῷ Περι ἰδεῶν («в [книге? трактате?] Об идеях»). Ἐν τῷ на ἐν τοῖς исправляет в своем пионерском издании фрагментов сочинений Аристотеля Валентин Розе (Rose 1863: 188; 1886: 149). Все последующие издатели (Ross 1955; Gigon 1987) греческого текста фрагментов принимают это чтение, но, в отличие от Розе, никто из них не отмечает конъектуры в аппарате.

⁷ Рукописи Alex. Aphr. In *Metaph.* 85.11 дают «в четвертой [книге] Об идеях» (ἐν τῷ τετάρτῳ Περι ἰδεῶν). Но уже Розе исходит из весьма правдоподобного предположения, что «четвертая» книга в 85.11 — это в действительности «первая» книга. Во-первых, никакой другой источник не сообщает нам о четырех книгах этого трактата. Во-вторых, Александр, кажется, пересказывает в 78.1–90.2 достаточно связанное и цельное рассуждение; учитывая, что в начале этого пересказа в 79.4 он связывает излагаемые сведения с первой книгой ОИ, маловероятно, что его пересказ аргумента «третьего человека», в контексте которого встречается ссылка на ОИ в 85.11, был почерпнут из другой книги, тем более

ко второй (98.22), из чего можно заключить, что имевшийся в его руках трактат состоял по крайней мере из двух книг.

Свидетельства сохранившихся каталогов произведений Аристотеля, которые иногда содержат весьма ценные для работы с утраченными сочинениями Аристотеля сведения, в данном случае помогают нам мало (и даже скорее запутывают дело еще больше). Каталоги Диогена Лаэртского и Анонима (так называемая *Vita Hesychii*, она же *Vita Menagiana*) содержат произведение «Об идее» в одной книге (Περὶ τῆς ἰδέας α') под номерами 54 и 45 соответственно — это наиболее вероятный кандидат на роль нашего трактата, несмотря на отличие в количестве книг и грамматическом числе слова «идея»⁸. В каталоге Анонима также содержится под номером 28 заглавие «О видах» (или «О Формах») в одной книге (Περὶ εἰδῶν α'). Несмотря на отличие в количестве книг, этот пункт каталога мог бы оказаться хорошим кандидатом на то, чтобы быть отождествленным с нашим ОИ (именно как на «О Формах» ссылаются на ОИ Сириан и Пс.-Александр), не будь нам понятен характер связи между каталогом Анонима и каталогом Диогена Лаэртского. Как убедительно показал в свое время

из так далеко отстоящей от первой, как должна была бы отстоять четвертая. В-третьих, порча «первой» на «четвертую» хорошо объяснима палеографически: в унциальном письме испорченное Α легко может быть прочитано как Δ. Все последующие издатели комментария Александра вплоть до Пантелиса Голитсиса (Golitsis 2022) соглашались с Розе.

⁸ На этом сходятся почти все исследователи: см., напр., Moraux 1951: 88–89; Leszl 1975: 58; Fine 1993: 30; Zanatta 2010: 219–220. Моро замечает, что отличие в грамматическом числе не так уж страшно: судя по тексту, донесенному до нас Александром, Аристотель использует и множественное, и единственное число ἰδέα при формулировке тех тезисов, которые он пытается опровергнуть (напр., единственное число: 79.8; 80.6, 15; 81.2, 5, 12 и т.д.). Файн также замечает, что «Аристотель... использует как единственное, так и множественное число для обозначения мира идей; более того, например, в *Metaph.* 1078b9–11 он делает это в рамках одного предложения (περὶ τῶν ἰδεῶν; τὴν κατὰ τὴν ἰδέαν δόξαν; ср. *Simpl. In Cat.* 105.8–9: περὶ τῆς ἰδέας)» (Fine 1993: 254). Отличие в количестве книг может объясняться либо тем, что вторая книга была недоступна составителю каталога, либо тем, что единственная во времена составления каталога книга была к эпохе комментаторов разбита на две.

Поль Моро⁹, каталоги Диогена и Анонима восходят к одному источнику, который автор каталога Диогена в основном воспроизводит более точно и подробно, тогда как автор каталога Анонима позволяет себе сокращать названия и объединять несколько похожих заголовков в один. За очень редким и каждый раз имеющим специальное объяснение исключением, все позиции каталога Диогена имеют соответствие в каталоге Анонима. 28 пункту Анонима, «О видах», соответствует 31 пункт Диогена, «О видах и родах» в одной книге (Περὶ εἰδῶν καὶ γένων α'). Место этого заглавия в каталоге, т.е. его соседство с такими заголовками, как «О противоположностях» (Περὶ ἐναντιῶν), «О собственных признаках» (Περὶ ἰδίων) и т.п., с высокой вероятностью указывает на то, что это произведение диалектического цикла — некоторые видят в «О видах и родах» и «О собственных признаках» прямое соответствие книгам 4 и 5 «Топики», в которых обсуждаются предикабилии рода и собственного признака соответственно¹⁰. Если «О видах» Анонима — это «О видах и родах» Диогена, и если «О видах и родах» — это диалектический трактат (что в силу его места в каталоге правдоподобно вне зависимости от того, готовы ли мы отождествить его с 4 книгой «Топики»), то «О видах» — плохой кандидат на отождествление с ОИ.

Наш третий каталог, каталог Птолемея аль-Гариба, содержит под номером 15 «Его книга о Формах, существуют они или нет, озаглавленная περὶ εἰδῶν в трех книгах»¹¹. Несмотря на то, что ко-

⁹ Moraux 1951: ch. 3.

¹⁰ Jaeger 1912: 151; Gohlke 1928: 470–471; Moraux 1951: 54–55.

¹¹ Каталог Птолемея дошел до нас только по-арабски, и греческие названия книг реконструируются прежде всего в той мере, в какой они даны в нем в транслитерации (так, греческая часть приведенного в основном тексте заглавия восстанавливается по арабской транслитерации). Но в некоторых случаях для понимания того, о какой книге идет речь, арабский перевод названия, сопровождающий транслитерацию, оказывается очень важен — и наш случай именно таков. Моро (Moraux 1951: 293), к сожалению, сразу извлекает греческие заголовки, не передавая арабского перевода названий, однако этот перевод приведен у Дюринга (Düring 1957: 223). Файн, ссылаясь на Дюринга (Düring 1957: 243), замечает, что в данном случае арабский заголовок *فاري أدولن* *fārī idūlun* понимается как

личество книг в данном случае не совпадает ни с одним из наших предыдущих источников, это должен быть наш трактат: арабское описание свидетельствует о том, что это не может быть логическая работа вроде *Περὶ εἰδῶν καὶ γενῶν* и довольно надежно указывает именно на тему ОИ.

Итак, если одинаково верить всем свидетельствам источников, то наш трактат мог называться либо «Об идеях», либо «Об идее», либо «О Формах», и состоять либо из одной, либо из двух, либо из трех, либо даже из четырех книг. Следует согласиться с Олофом Жигоном, что разноголосица источников в отношении объема трактата и его заголовка до сих пор не получила вполне удовлетворительного объяснения¹². Чтобы учесть всю это разноголосицу, исследователи в прошлом прибегали к не самым благоразумным решениям¹³. На сегодняшний день наиболее взвешенным заключением мне представляется *ignoramus*: состояние источников не позволяет нам с достаточной уверенностью судить о заглавии и объеме трактата. Но если, признав это, действовать в пространстве сравнения соотносительной правдоподобности гипотез, то кажется разумным заметить следующее.

Прежде всего, нашим самым надежным источником, вне всякого сомнения, является Александр. Он единственный пересказывает (и очень подробно) содержание трактата, ссылаясь при этом на его конкретные места. Всё это не оставляет сомнения в том, что в его распоряжении был текст этого трактата, и, что еще важнее, он прямо сверялся с ним при написании своего комментария (иными словами, передаваемые сведения он приводит не по па-

передающий *Περὶ εἰδῶν*, хотя, строго говоря, арабский текст должен скорее служить транслитерацией *Περὶ εἰδῶλων*; впрочем, соображения экономии говорят в данном случае в пользу ошибки переписчика (Fine 1993: 254).

¹² Gigon 1987: 372a28–29.

¹³ Феликс Равессон, например, проводил различие между «Об идеях» (в четырех книгах) и «О формах» (в двух) (Ravaisson 1837: 74–75), а Август Брандис, хотя и отождествлял эти трактаты, предполагал, что, возможно, когда неоплатонические комментаторы говорят про «две» книги «О Формах», где Аристотель критикует теорию идей Платона, они лишь подразумевают, что только две книги (из четырех) этого трактата посвящены этой критике (Brandis 1823: 15, п. 1).

мяти). При этом характер ссылок на этот трактат остальных комментаторов допускает как то, что их ссылки сделаны по памяти, так и то, что они вообще не держали этого трактата в руках, зная о нем лишь из второисточников. Учитывая, что Александр во всех случаях называет трактат именно «Об идеях», именно этот вариант названия представляется лучше всего засвидетельствованным.

Впрочем, вполне возможно, что в античности этот текст мог ходить одновременно под несколькими разными заглавиями — в частности, учитывая близость и синонимичность заголовков *Περὶ ἰδεῶν* и *Περὶ εἰδῶν*, не исключено, что какие-то его списки были озаглавлены первым образом, а какие-то — вторым. Такая ситуация не является редкостью для античных текстов в целом и для текстов Аристотеля в частности — например, «Категории» дошли до нас в рукописях под четырьмя разными заголовками¹⁴.

Что касается вопроса о количестве книг, то здесь, видимо, мы можем принять те же самые два решения. С одной стороны, тот факт, что наши источники расходятся в вопросе о количестве книг, разумнее всего, видимо, объяснить именно тем, что один и тот же трактат мог в разных изданиях делиться на книги по-разному. С другой стороны, из всех таких изданий мы имеем некоторой доступ только к тому, которым пользовался Александр, и поэтому именно его должны считать «каноническим»; если ориентироваться на него, то мы должны заключить, что книг в ОИ было не менее двух.

Содержание и источники реконструкции

Как уже было отмечено выше, по существу, нашим единственным полноценным источником для реконструкции содержания ОИ является комментарий Александра на *Metaph.* А.9. В этой главе Аристотель критикует учения Платона и платоников о началах и теорию идей в ее разнообразных проявлениях в частно-

¹⁴ А именно: *Κατηγορίαι*, *Κατηγορίαι δέκα*, *Κατηγορίαι περὶ τῶν δέκα γενικωτάτων γενῶν*, *Πρὸ τῶν τόπων* — см., напр., Bodéüs 2001: 2.

сти¹⁵. Упрекнув в начале главы платоников в том, что они напрасно удвоили инвентарный лист сущего (990a34–b8), Стагирит затем говорит, что ни один из тех аргументов, с помощью которых платоники доказывают существование идей, не достигает цели и затем кратко перечисляет названия этих аргументов («от наук», «одно над многими», «от мышления о чем-то погибшем») и еще короче намекает на возражения против них (990b8–15). После этого Аристотель упоминает о «наиболее точных» (ἀκριβέστατοι) аргументах своих оппонентов: на этот раз сами аргументы остаются у Аристотеля без названия, но наименования получают возражения против них: эти аргументы опровергаются тем, что одни из них вводят идеи «соотносительных» (πρός τι), а из других следует «третий человек» (990b15–17). Затем Стагирит упоминает несколько следствий из теории идей, которые нежелательны для платоников в силу того, что они вступают в конфликт с платоническим же учением о началах, т.е. Едином и Неопределенной паре¹⁶: число оказывается первичным по сравнению с Парой, а соотносительное — по сравнению с тем, что существует само по себе (990b17–22). Наконец, Аристотель чуть подробнее останавливается на тезисе, которого он уже косвенно коснулся раньше, — о том, что, согласно учению платоников, должны существовать идеи не только для сущностей (οὐ μόνον τῶν οὐσιῶν), но и для других типов сущего, тогда как для платоников это неприемлемо (990b22–29). Эта линия критики продолжается и после b29, и в целом здесь перед нами лишь начало аристотелевской полемики с платониками. Однако мы остановимся здесь, поскольку именно в комментарии на описанные 20 строчек (*Metaph.* A.9, 990b8–29) Александр приводит основную часть своего пересказа ОИ¹⁷.

¹⁵ Общий обзор главы см. Frede 2012 и Crubellier 2012.

¹⁶ Я предпочитаю переводить διὰς как «пара», поскольку слово «двоица», которым этот термин переводится традиционно, не является употребительным в современном русском языке.

¹⁷ Второй, значительно более короткий (28 строк против 10 страниц), отрывок из ОИ Александр приводит в 97.27–98.24, комментируя аристотелевский пас-

Содержание большей части 990b8–29 было бы для нас весьма малопонятным, если бы не комментарий Александра, в котором он, чтобы прояснить замечания Аристотеля, обращается к тексту ОИ¹⁸. Аристотель в 990b8–29 выражается кратко на грани невразумительности, называя аргументы и контраргументы по имени, но не объясняя их сути; указывая на заключения доводов, но не приводя при этом самих рассуждений; и несколько раз прибегая к формулировкам, которые явно имеют технический характер, никак их не поясняя (самый яркий пример — знаменитый «третий человек»). Единственное правдоподобное объяснение этого состоит в том, что он не находит необходимым останавливаться на чем-либо из этого подробнее, считая, что он будет прекрасно понят и так, поскольку его аудитории всё упомянутое хорошо знакомо. Вкупе со знаменитым употреблением первого лица множественного числа для описания позиций платоников в А.9 («ни один из способов, которым мы доказываем идеи» и т.п.), это указывает на то, что аудитория, которой адресована эта глава, — это товарищи Аристотеля по платоновской Академии, с которыми вопрос о критике теории идей уже многократно обсуждался и которым ясно, что скрывается за намеками Аристотеля.

Мы можем предположить, что трактат ОИ находился в центре этих подразумеваемых в А.9 академических дискуссий об идеях или по крайней мере был их существенной частью. Это следует из того, что всем перечисленным недосказанностям, которые должны были быть понятны слушателям Аристотеля, но далеки от понятности для нас, Александр находит объяснение в материалах этого трактата. Это значит, что Аристотель при написании начала А.9 явно рассчитывал на знакомство читателя именно с ОИ¹⁹.

саж 991a12–18, в котором упоминается теория Евдокса Книдского, пытавшегося объяснить «причастность» вещей к идеям по аналогии с «примешиванием» последних к вещам. Аристотель лишь замечает, что из этой позиции существует масса невозможных следствий; Александр со ссылкой на вторую книгу ОИ приводит по крайней мере 10 возражений против нее и указывает, что в источнике, на который он ссылается, таких возражений еще больше.

¹⁸ Pace Rose 1854: 83.

¹⁹ Это, между прочим, позволяет нам высказать некоторые соображения о да-

Александр впервые обращается к ОИ для пояснения утверждений Аристотеля о том, что одни аргументы платоников, с помощью которых они пытаются доказать существование идей, не достигают цели, потому что они логически некорректны (οὐκ ἀνάγκη γίγνεσθαι συλλογισμόν, 990b10), а другие — потому что из них следует существование идей предметов, для которых платоники идей не хотели бы²⁰. Александр замечает, что первый из этих упреков, вероятно, следует понимать не в том смысле, что эти аргументы *ничего* не доказывают, а в том, что они не доказывают выдвигаемого платониками тезиса (τὸ προκείμενον) о существовании идей (судя по всему, он имеет в виду, что с помощью этих аргументов можно доказать существование универсалий — мысль, которая будет неоднократно повторена ниже в его пересказе ОИ); он также замечает, что «одни... другие...» у Аристотеля не надо понимать как строгую дизъюнкцию, поскольку

тировке трактата. *Metaph.* А.9, судя по всему, — один из наиболее ранних текстов имеющегося в нашем распоряжении корпуса Аристотеля; это видно прежде всего по уже упомянутому «мы, платоники», которое в *Metaph.* М.4–5 (главах «Метафизики», в которых почти дословно повторяется содержание А.9) сменяется на «они, платоники». Вернер Йегер относил эту главу к периоду пребывания Аристотеля в Ассе, где тот собрал вокруг себя кружок бывших платоников, включавший по крайней мере уроженцев Скепсиса Эраста и Кориска, а также, вероятно, Теофраста. Главным аргументом Йегера является то, что, хотя способ выражения Аристотеля подразумевает, что его слушатели — платоники, прошедшее несовершенное время, в котором говорится о Платоне (992a20–22), «безошибочно» указывает на то, что сам их учитель уже мертв (Jaeger 1948: 172). Йегеру свойственно преувеличивать «безошибочность» своих заключений, но даже если он прав, то, поскольку А.9 подразумевает знакомство аудитории с ОИ, последний трактат написан раньше и может принадлежать к Первому афинскому периоду Аристотеля; ср. Fine 1993: 41–43, а также 263, где дается обзор литературы по этому вопросу. (Исследователи иногда замечают, что ОИ — это единственное значимое раннее произведение Аристотеля, которого Йегер не касается в своей реконструкции его философского пути; возможно, именно потому, что оно очень плохо встраивается в схему Йегера, рисующего путь Стагирита от горячего платоника к постепенно разочаровавшемуся в платонизме натуралисту.)

²⁰ В отличие от большинства исследователей, отсчитывающих начало пересказа ОИ Александром от первого эксплицитного упоминания им названия этого трактата в 79.4, я полагаю, что Александр обращается к тексту трактата на страницу раньше, еще в 78.4. См. далее в тексте.

некоторые из подразумеваемых им аргументов совершают обе ошибки сразу (здесь комментатор также явно ориентируется на известный ему материал «Об идеях», где большинству аргументов платоников бросается упрек одновременно в обоих этих недостатках) (78.4–12). Александр также предлагает вторую интерпретацию того, что может иметь в виду Аристотель под логически некорректными аргументами: возможно, Стагирит имеет в виду «совершенно ложные» (τέλεον ψευδεῖς) аргументы платоников, т.е. такие, которые как раз «ничего не доказывают» (οὐδὲν δεῖκνύντες) — вероятно, потому, что содержат ложные посылки²¹. Александр перечисляет 4 таких аргумента («от истины», «от памяти», «от числа» и «от определения»). Эту часть (78.12–21) комментария Александра одни издатели помещают в число фрагментов ОИ²²; другие — исключают из числа фрагментов²³; третьи — помещают в *dubia*²⁴. Я, со своей стороны, не вижу причин сомневаться в том, что Александр почерпнул сведения о четырех «совершенно ложных» аргументах в ОИ. Александр говорит о них:

Такого рода аргументы являются ложными и ни в коей мере не доказывают того, что требуется. Поэтому [Аристотель] здесь не упоминает ни один из них, а критикует [лишь] некоторые из тех, которые, как кажется, нечто доказывают, — начиная с аргумента, обосновывающего [существование] идей, [отталкиваясь] от наук (78.18–21).

Способ выражения комментатора явно подразумевает, что Аристотель вполне мог бы упомянуть эти аргументы, т.е. они ему известны, но он просто решил этого не делать. Александр не склонен строить догадок о познаниях Стагирита, не подкрепленных текстами, — по крайней мере, не оговаривая специально, что он предлагает читателю именно догадку. Всё указывает

²¹ Ср. Leszl 1975: 69.

²² Розе в своем первом издании фрагментов (Rose 1863) дает это как вторую часть F 172; из последующих изданий этот фрагмент исчезает.

²³ Wilpert 1940; Ross 1955; Gigon 1987; Fine 1993. Однако Wilpert 1949: 48–50 всё же относит пересказываемые в этом месте аргументы к содержанию ОИ.

²⁴ Leszl 1975.

на то, что комментатор уверен, что Аристотель знает и обсуждает эти аргументы. Где именно? В имеющемся перед нами *Corpus Aristotelicum* такого обсуждения нет. Учитывая, что эти аргументы упомянуты Александром в контексте дискуссии, которую он сам эксплицитно связывает с ОИ всего десятком строк ниже, и в той же самой фразе, в которой комментатор объясняет отсутствие их упоминания в А.9, Александр переходит от этих аргументов к доводу «от наук», об обсуждении которого в ОИ он прямо сообщает; трудно не заключить, что эти четыре довода также обсуждаются в ОИ²⁵. Дополнительным доводом в пользу того, что здесь речь именно об аргументах ОИ, служит то, что аргумент «от истины» приводится Александром ниже вторично в 89.2–6, а этот пассаж большинство издателей включают в ОИ²⁶.

После этого следует часть комментария Александра, которая безоговорочно считается содержащей сведения, почерпнутые из ОИ, — прежде всего потому, что она начинается с прямого упоминания этого трактата (79.4). Комментатор начинает с пояснения перечисленных в А.9, 99об11–15 названий аргументов в пользу существования идей. Он пересказывает три аргумента «от наук» (79.3–15) и приводит возражения против них (79.15–80.6), удачно

²⁵ См. замечание Сюзанн Мансьон о том, что на основании критериев, руководствуясь которыми Пауль Вильперт расширил список мест комментария Александра, которые можно считать фрагментами ОИ, он должен был бы включить в этот список и 78.14–18 (Mansion 1949: 172)

²⁶ А именно, это делают Wilpert 1940 и Ross 1955. Gigon 1987 также включает этот пассаж в число фрагментов, но, в отличие от Вильперта и Росса, он включает туда и 78.12–21, и вообще весь комментарий Александра, начиная с первых строк А.9. Leszl 1975, на первый взгляд, последователен: он включает 78.13–18 и 88.20–89.7 в *dubia*. Но необъяснимым образом он видит в 88.20–89.7 версию аргумента «от наук», а не «от истины» (Leszl 1975: 72). Это тем более удивительно, что он тут же признает сходство аргумента в 89.2–6 с аргументом в 78.14–18 (Leszl 1975: 72, n. 22). Как бы то ни было, причины, по которым он помещает в *dubia* 78.13–21, неясны даже в свете его собственных утверждений (он прямо указывает, что считает изложенные здесь аргументы вероятнее всего заимствованными из ОИ, Leszl 1975: 69), а причины, по которым он помещает в *dubia* 88.19–89.7, судя по всему, связаны с его представлением о том, что выдержка из ОИ заканчивается у Александра на 88.2, — и таким образом ошибочны в свете ошибочности этого представления (см. ниже).

совпадающие с теми двумя категориями упреков, которые Аристотель обратил против платоников в 99об9–10: в 79.15–19 показывается, что эти аргументы не доказывают существования идей, но обосновывают лишь существование универсалий; аргументы 79.19–80.6 демонстрируют для каждого из трех доводов «от наук», что, даже будь они верны, они доказывали бы в т.ч. существование таких идей, признать которые платоники не готовы. Далее Александр переходит к аргументу «одного над многими», излагая сначала сам довод (80.8–15), а затем его критику (80.15–81.22). В целом к этому аргументу предъявляются претензии тех же двух типов, что и к предыдущему, однако порядок изложения здесь менее стройный, чем в случае аргумента «от наук», и завершающая часть критики (81.10–22) создает ощущение повтора открывающей его части (80.15–81.2). Однако в действительности в случае 81.10–22 мы, судя по всему, имеем дело с пересказом дополнительного аргумента платоников, который приводился для защиты «одного над многими» от специфического рода критики; посылки этого аргумента далее используются Аристотелем, чтобы подкрепить уже сформулированную выше собственную критику «одного над многими» (80.15–81.2). Наконец, Александр кратко пересказывает аргумент платоников от предмета мышления (81.25–82.1) и его критику у Аристотеля (82.1–7). В данном случае критика ограничивается упреком второго типа, т.е. введением нежелательных идей — в частности, идей индивидов и несуществующих предметов (в качестве примеров последних здесь появляются Химера и Гиппокентавр, которые сделают большую карьеру в метафизике несуществующих объектов в Средние века).

От трех аргументов, упомянутых в 99об11–15, Александр переходит к рассмотрению «наиболее точных» доводов платоников, о которых Аристотель упоминает в 99об15–17. Эти доводы характеризуются Аристотелем лишь по возражениям, которыми они парируются: из одного из них следует существование идей «относительных вещей», а из другого — «третий человек». Александр подробно пересказывает довольно запутанный довод, вле-

кущий идеи соотносительных вещей (82.12–83.17), после чего объясняет, почему, по его мнению, Аристотель называет этот довод «наиболее точным» (82.17–83.23). Затем следует пересказ критики этого довода (83.23–30): интересно, что упрек в том, что из этого аргумента следуют идеи соотносительных вещей, является лишь одним из пунктов этой критики; двумя другими возражениями являются версии возражений от идей отрицаний и «третьего человека». После небольшого отступления, связанного с употреблением Аристотелем формы «мы» (83.30–33), Александр переходит к доводам, которые вводят «третьего человека». Он перечисляет четыре контраргумента против теории идей, которые назывались «третьим человеком», но прямо говорит, что Аристотель в ОИ использует четвертый (здесь мы встречаем вторую эксплицитную ссылку на наш трактат), который, впрочем, с точки зрения Александра, тождествен первому, который (среди прочих) приводит в трактате «О стиле» Евдем (83.34–85.12).

После этого Александр переходит к ряду коротких (по большей части) возражений, подчеркивающих тот факт, что платоническая теория идей противоречит платонической теории начал (85.15–88.2). Под последними понимаются прежде всего Единое и Неопределенная пара, но также в целом «более дорогие», т.е. более фундаментальные для платоников, чем сами идеи, положения — такие как то, что существует само по себе (*καθ' αὐτό*), первично по сравнению с существующим как соотносительное (*πρός τι*) и т.п. Он перечисляет ровно 10 подобных возражений, способ группировки которых кажется чисто ассоциативным: в последующем часто обсуждается тема, которая в определенной степени был затронута в предыдущем. Эти замечания являются интересными и много сообщают о характере дискуссий в Ранней академии, но почти не нуждаются в комментариях или пояснении, будучи довольно понятными сами по себе.

Далее Александр, комментируя тезис Аристотеля о том, что согласно аргументам платоников будут существовать идеи не только для сущностей, но и для вещей других категорий, тогда как

платоники признают только идеи сущностей (οὐσίαι), приводит ряд аргументов, из которых следуют идеи несубстанциальных вещей (следует заметить, что этот раздел логично примыкает к предыдущему, касавшемуся следствий аргументов платоников, противоречащих их собственным позициям в учении о началах: сущность, будучи связана с самостоятельным (καθ' αὐτό) существованием, относится как раз к учению о началах). Любопытно, что из 6 аргументов, которые он приводит здесь, 4 представляют собой уже описанные выше аргументы (а именно: (I) «от мышления»; (II) «от наук»; (IV) «одно над многими»; (VI) «от истины», из которых, однако, теперь выводятся новые следствия: все они (а также два до сих пор не обсуждавшихся аргумента) имеют своим следствием существование идей не-сущностей (а качеств, количеств, соотносительных и т.п.) (88.5–89.7).

Наконец, развивая тему предыдущего раздела и завершая свою главную выдержку из ОИ, Александр излагает, почему идеи несубстанциальных вещей неприемлемы для платоников (89.7–90.2).

Относительно вопроса о том, в какой именно момент Александр заканчивает эксерпт из ОИ, мы сталкиваемся с проблемой, аналогичной той, что стояла перед нами выше в вопросе о том, где именно он ее начинает. Бóльшая часть исследователей, следуя за Вильпертом, склонна рассматривать как общее завершение выдержки 88.3 — место, где заканчивается общее изложение аргументов, указывающих на несовместимость теории идей с теорией начал платоников, и после которого Александр приступает к комментированию возражений, касающихся идей несубстанциальных вещей (Вильперт и следующий за ним Росс видят небольшую дополнительную выдержку из ОИ далее в 88.20–89.7; Лесль помещает ее в *dubia*). Вильперт обосновывает свое решение следующими соображениями²⁷: если в 990b8–22 «Метафизики» Аристотель не столько приводил сами аргументы, сколько перечислял их названия, подразумевая, что они уже известны ауди-

²⁷ Wilpert 1949: 22, 113.

тории, то в 990b22–991a8 Аристотель именно приводит развернутые аргументы (в пользу того, что идеи одновременно должны и не могут быть сущностями): здесь впервые аргументацию против идей Аристотеля можно понять из самого текста «Метафизики», что легче всего объяснить тем, что Стагирит излагает здесь новые аргументы, которых не было в ОИ. Одновременно меняется характер комментария Александра: во-первых, его комментарии более не выходят «далеко за пределы исходного текста», а во-вторых, его тон становится менее уверенным; в тексте увеличивается количество оборотов в потенциальном модусе и других свидетельств того, что комментатор строит догадки, а не излагает надежный источник. Лесль добавляет к этому еще один аргумент в пользу того, что, начиная с b22, мы более не имеем дело с материалом, уже обсуждавшимся в ОИ: до сих пор в своей критике Аристотель опирался на те послышки, которые платоники действительно разделяли; здесь же в основе его опровержений лежит его собственное понятие сущности, которое для них было чуждым; характер аргументации, таким образом, принципиально меняется²⁸.

Всё это очень слабые доводы. Мысль Лесля не просто ошибочна, но прямо переворачивает реальное положение дел с ног на голову: переформулирование тезисов оппонентов в собственных терминах и критика их в таком виде — это вполне стандартный *modus operandi* Аристотеля²⁹, и в аргументации ОИ выше он также часто действовал именно так³⁰. Картина Вильперта может выглядеть правдоподобной на расстоянии, но рушится, как только мы присматриваемся к ней в деталях. Если смотреть на 990b22–991a8 целиком, то верно как то, что здесь мы видим больше аргументации от самого Аристотеля, так и то, что Александр в своем комментарии по большей части сосредоточивается на прямом пояснении текста «Метафизики» из него же самого и без привлечения

²⁸ Leszl 1975: 71–73.

²⁹ Ср. Fine 1993: 28–29.

³⁰ См., например, критику аргумента, вводящего идеи соотносительных и комментарий Isnardi Parente 1967: 19.

внешних сведений, в нем не содержащихся. Но ничто не обязывает нас ожидать, что если Александр продолжает пользоваться текстом ОИ для пояснения мыслей Аристотеля, то весь (или почти весь) комментарий к 990b22–991a8 будет состоять из выдержек из ОИ. Поскольку, как верно замечает Вильперт, в этом отрывке мы видим больше эксплицитной аргументации Аристотеля, нуждающейся в пояснении (и притом аргументации довольно запутанной), постольку в комментарии Александра мы видим больше прямых ее пояснений в соответствующем осторожном тоне³¹. Вопрос должен быть в другом: находим ли мы здесь какой-то материал, напоминающий тот, что выше расценивался нами как почерпнутый Александром из ОИ — т.е. такой, который а) представляет собой перечисление аргументов против существования идей, б) следов которых нет в тексте самой «Метафизики», и с) которые Александр пересказывает с нехарактерной для себя в других обстоятельствах уверенностью.

Ответ на этот вопрос однозначен: такой материал обнаруживается, как минимум, в 88.5–90.2 — т.е. ровно в той части, которая напрямую примыкает к тексту, на котором Вильперт и Лесль заканчивают выдержку из ОИ. Это не удивительно, если мы посмотрим на текст «Метафизики», комментарием на который этот фрагмент Александра является. Структура пассажа 990b22–27 в точности совпадает со структурой предыдущего периода «Метафизики» (990b17–22): сначала высказывается общий критический тезис (990b17–19 и 990b22–24); потом в качестве примера указывается на два аргумента в его пользу (990b19–21 и 990b24–27), и, наконец Аристотель замечает, что существует множество других аргументов, этот тезис подтверждающих (990b21–22 и 990b27); если Вильперт и Лесль считают, что в 990b17–22 Аристотель отсылает к ОИ, то они едва ли могут, оставаясь последовательными, считать, что он не делает этого в 990b22–27. Как и в случае с 990b21–22, отсылая в 990b27 к «несчетному множеству других подобного рода следствий», Аристотель, вероятно, не перечисля-

³¹ Александр поступал так и раньше: см., напр., 83.18–23, 31–33.

ет их именно потому что считает свою аудиторию знакомой с ними — вероятно, как и раньше, в силу знакомства с ОИ. Неудивительно, что, так же как и раньше, Александр пересказывает те аргументы, которые может здесь иметь в виду Аристотель, — и делает это ровно в том же тоне, в каком он передавал доводы из ОИ до сих пор: никакого потенциального модуса или указывающих на неуверенность оговорок. Следует признать, что 4 из 6 аргументов, пересказанных здесь Александром, частично совпадают с уже ранее фигурировавшими в его пересказе ОИ доводами³² (однако из этих аргументов платоников делаются новые выводы), и на 2 из этих 4 доводов прямо указывает в комментируемом тексте сам Аристотель; однако оставшимся двум аргументам (88.13–14; 88.20–2) нельзя найти аналогов ни в «Метафизике», ни в той части ОИ, которую Александр пересказывал до сих пор. Этот же тон и тип комментария сохраняются, а его независимость от текста «Метафизики» даже усиливается в 89.7–90.2, где Александр комментирует тезис из 99ob27–29, гласящий, что идеи у платоников могут существовать только для сущностей: здесь Александр в хорошо знакомой нам по пересказу ОИ выше манере быстрого перечисления приводит 5 аргументов в пользу этого тезиса, из которых только первый можно заподозрить в том, что он почерпнут прямо из текста «Метафизики» (хотя сам я сомневаюсь даже в этом).

После этого Александр действительно переходит скорее к прямому пояснению имеющегося текста, чем к привлечению внешнего материала для его объяснения: как тон, так и тип комментаторской работы меняются. Однако следует заметить, что в пассажах 91.31–92.28 и (в меньшей степени) 94.8–95.2 Александр вновь возвращается к типу текста, в значительной степени напоминающему тот, в котором мы встретили у него выше пересказ ОИ: он вновь перечисляет аргументы, аналогов которым нет в «Метафизике». Впрочем, эти аргументы вводятся более осторожно (см. 91.31: *προσθεῖη ἄν τις*), и в них фигурирует явно более поздняя тер-

³² См. примечание к этому месту в переводе ниже.

минология (напр., ὑπόστασις в 92.19), что является весомой причиной усомниться в их принадлежности к ОИ.

Издания и текст

История издания ОИ не слишком обширна, но о ней стоит сказать подробнее. Впервые фрагменты этого трактата в составе своего собрания утраченных сочинений Аристотеля издает Валентин Розе³³. Его выборка фрагментов из Александра, можно сказать, минимальна, и в двух последующих изданиях своего сочинения³⁴ эта и без того минимальная выборка была еще несколько сокращена. В том, что касается отрывков из комментария Александра, Розе пользовался критическим изданием Германа Боница³⁵. В 1891 году выходит новое критическое издание этого комментария Михаэля Гайдука, в котором для установления текста были использованы в том числе недоступные Боницу рукописи³⁶. Уже на это издание ориентируется Пауль Вильперт, который в 1940 году в своей статье об Александре Афродисийском как источнике для реконструкции утраченных сочинений Аристотеля предлагает существенно расширить объем текста Александра, который мы можем считать излагающим содержание ОИ: если Розе помимо фрагмента, в котором идет речь о Евдоксе, включал в свое издание лишь текст, в котором Александр комментирует *Metaph.* А.9, 990b8–17 (вплоть до обсуждения «третьего человека» включительно), и даже внутри этого текста делал много выпусков³⁷, Вильперт

³³ Rose 1863.

³⁴ Rose 1870 и Rose 1886.

³⁵ Bonitz 1847.

³⁶ Hayduck 1891.

³⁷ А именно: Розе включает в свою выборку только формулировки аргументов «от наук» (79.3–19), «одного над многим» (80.9–16) и «от предмета мышления» (81.25–82.3) (но почти полностью опускает их критику), а также первую и четвертую версии аргумента, из которого следует «третий человек» (на этот раз вместе с критикой: 83.34–84.7; 84.21–85.5, 9–12), и аргументы против Евдокса (97.27–98.24); аргумент, из которого следуют идеи соотносительных, он полностью опускает, равно как и всё, что следует после «третьего человека».

восстанавливает в правах многое выпущенное в этом отрывке и добавляет к этому бóльшую часть комментария Александра на 99ob17–22: в результате текст ОИ, почерпнутый из комментария Александра, возрастает более чем в два раза (по подсчету Сюзанн Мансьон, 214 строк издания Гайдука у Вильперта против 84 у Росс)³⁸. Росс в своем издании фрагментов³⁹ в основном следует за Вильпертом.

В 1975 году выходит отдельное новое критическое издание текста ОИ: Дитер Харлфингер, используя недоступную Гайдуку рукопись (O)⁴⁰ и заново проработав прочие рукописи, дает улучшенный текст релевантных мест комментария Александра, дополненный воспроизведением прочих свидетельств о трактате. Этот текст выходит вместе с переводом на итальянский и обстоятельным комментарием-исследованием Вальтера Лесля⁴¹. Лесль в основном следует в выборе мест из комментария Александра за Вильпертом и Россом, дополняя его еще несколькими пассажами и помещая в *dubia* как одно место, которое ни Росс, ни Вильперт принадлежащим к ОИ не считают, так и одно место, которое они оба к этому трактату относили. Харлфингер также впервые печатает отдельно тексты «классического» комментария Александра и т.н. *recensio altera*, предположительно — альтернативный вариант комментария Александра, сохраненный в ряде рукописей и довольно сильно отличающийся от *recensio vulgata* — «традиционного» текста комментария. Бониц и Гайдук использовали текст *recensio altera* при установлении текста Александра в своих изданиях (Бониц лишь частично, поскольку имел доступ лишь

³⁸ Mansion 1949: 171, п. 10. См. Wilpert 1940: 378–385, 391–395. Позже Вильперт признал, что в его собрание следовало бы также включить фрагменты 78.14–18 (четыре «полностью ложных» аргумента) и 82.1–7 (критика аргумента «от предмета мышления»): см. Wilpert 1949: 48, п. 55; 72, п. 85).

³⁹ Ross 1955.

⁴⁰ Laurent. 85.1.

⁴¹ Leszl 1975. В издании об этом не сказано прямо, но, судя по всему, решения о том, что считать входящим в состав ОИ, были также приняты Леслем, а роль Харлфингера ограничилась лишь установлением текста — так что в дальнейшем я буду говорить как об авторе этого издания именно о Лесле.

к частичной колляции, сделанной Августом Брандисом; в распоряжении Гайдука уже была полная колляция), но обходились с ним как с еще одним свидетельством рукописной традиции: Бониц по большей части лишь давал некоторые разночтения в аппарате, а Гайдук, хотя и приводил отличающийся текст почти полностью, также помещал его как разночтения в аппарат. Между тем отличия между *recensio vulgata* и *recensio altera* — это вовсе не отличия между двумя рукописными традициями одного текста: это отличия между двумя *разными* текстами. Издание Харлфингера впервые позволяет хорошо увидеть эту разницу — мы еще вернемся к ней ниже.

После этого ОИ издается в последнем на сегодняшний день полном издании фрагментов Аристотеля за авторством Олофа Жигона⁴². Собрание фрагментов Жигона сильно отличается от предшествующих. В своем отборе текстов он исходит из максималистского принципа: включить как можно больше; по существу — всё, что могло бы иметь отношение к тому или иному трактату. Он добавляет в число фрагментов ОИ несколько значительных выдержек из книг А (990a33–991b9) и М (1078b30–1080a11) «Метафизики» (F 118.1 и 118.2), вдвое расширяет текст свидетельств Сириана (F 115 и 116) и Пс.-Александра (F 114)⁴³ и печатает комментарий Александра на *Metaph.* А.9, 990a34–b30 подряд без выпусков, дополняя его полным текстом *recensio altera* в аппарате (F 118.3). Последнее решение мне в целом симпатично (см. ниже), но оснований для других его ходов я не вижу.

В 1993 году выходит прекрасное издание ОИ Гейл Файн⁴⁴. Хотя эта книга не является критическим изданием, она заслуживает быть упомянутой как одно из лучших исследований тракта-

⁴² Gigon 1987.

⁴³ Это свидетельство по неясной для меня причине Жигон печатает дважды: сначала в расширенном виде как свидетельство Пс.-Александра со ссылкой на издание Гайдука (F 114); затем в сжатом виде как свидетельство Михаила Эфесского со ссылкой на издание Боница (F 120). Релевантный текст свидетельства в обоих случаях совпадает, а Пс.-Александр — это, по мнению большинства исследователей, и есть Михаил Эфесский.

⁴⁴ Fine 1993.

та. Книга содержит греческий текст, в основном воспроизводящий издание Харлфингера (так же, как и у того, параллельно *recesnio vulgata* и *recesnio altera*), английский перевод и подробный комментарий-исследование. Фокус внимания Файн ограничен: она печатает и исследует только комментарий Александра и только вплоть до разбора «третьего человека» включительно (85.12).

Наконец, в 2022 году выходит новое критическое издание комментария Александра на первые три книги «Метафизики» Пантелиса Голитсиса⁴⁵. Поскольку бóльшая часть ОИ изложена в рамках комментария Александра на первую книгу «Метафизики», это издание дает нам лучший на сегодняшний день текст главных фрагментов нашего трактата, и именно оно легло в основу моего перевода (случаи отступления от него я оговариваю отдельно)⁴⁶.

Первая проблема, с которой сталкивается переводчик ОИ в свете имеющихся изданий, — в том, что все они порой довольно существенно расходятся в том, какой именно текст фрагментов они предлагают. Выборка Жигона превосходит пределы разумного; в то же время, например, Росс исключает некоторые пассажи комментария Александра, которые явно стоило бы в тексте оставить⁴⁷. Кроме того, Росс, разделив свое издание ОИ на «Свидетельства» и «Фрагменты» печатает во фрагментах то, что, вне всякого сомнения, должно считаться свидетельствами (F 1 и 2). Из представленных в существующих изданиях наиболее взвешенной выглядит выборка Харлфингера. В ней приведена большая

⁴⁵ Golitsis 2022.

⁴⁶ Уже когда этот текст был сдан в верстку, я узнал о недавнем выходе издания Crubellier, Gazziero 2025. Я не успел ознакомиться с ним при подготовке этого предисловия, но рассчитываю при необходимости дополнить свой комментарий к последующим частям перевода в свете содержащихся в этом сборнике исследований.

⁴⁷ Например, 82.1–7 (критика аргумента «от предмета мышления»: судя по всему, здесь он просто следует за Вильпертом, который, по собственному признанию, просто случайно пропустил этот аргумент в своем издании — см. прим. 38 выше).

часть того, что следовало бы привести, и нет постороннего материала; и даже «фрагменты» 1 и 2 Росса в ней благоразумно классифицированы как свидетельства. Однако, во-первых, из всех существующих изданий именно это является наиболее редким и наименее доступным для среднего читателя, а во-вторых, оно не дает своей собственной нумерации фрагментов и свидетельств, которую можно было бы воспроизвести в тексте. Кроме того, оно классифицирует как *dubia* по крайней мере два фрагмента, принадлежность которых к ОИ вовсе не кажется мне сомнительной (78.13–18; 88.20–89.7), и, на мой взгляд, ошибочно исключает из текста фрагментов раздел с критикой идей, отталкивающейся от идей несубстанциальных вещей (88.2–90.2). Наконец, в нем есть еще одна проблема, которую стоит обсудить чуть подробнее.

Харлфингер, следуя за Вильпергом (и присоединившимся к нему Россом) пытается провести работу по точному отделению в комментарии Александра материала ОИ от вкраплений реплик и оценок самого Александра, и печатает только первый, исключая из своего издания последние. Эта работа представляется мне напрасной и даже вредной. Во-первых, дело явно не обстоит так, что мы можем рассчитывать, что Александр донес до нас *дословные цитаты* из ОИ, которые имело бы смысл отделять от окружающего их текста, имеющего иной характер: всё, что у нас есть, представляет собой *пересказ*, а не набор цитат. Этот факт немедленно снижает осмысленность работы по точному проведению границ между материалом ОИ и добавлениями Александра. Во-вторых, в той мере, в какой эти границы необходимо провести, они более-менее очевидны для любого внимательного читателя, и, как правило, мы не находимся в опасности перепутать мысль Аристотеля с мыслью Александра, читая его пересказ ОИ. Там же, где эти границы не очевидны, их надежно провести просто нельзя, и едва ли издатель должен брать на себя решение об исключении из издания текста, который потенциально всё же может восходить к Аристотелю. И, наконец, в-третьих, исключение из предлагаемого читателю текста всего, что приписывается соб-

ственной руке Александра, даже в случаях, когда несомненно, что мы имеем дело именно с добавлениями Александра, только делает связный, хорошо построенный текст комментатора, обрывочным и менее понятным для читателя.

В силу указанных соображений мой принцип отбора и расположения свидетельств и фрагментов принимает следующий вид. Во-первых, все пассажи, кроме текста Александра, я считаю свидетельствами, и только пересказ Александра помещаю во фрагменты. Это также небесспорное решение, поскольку, строго говоря, мы не в состоянии вычлениить из сообщаемого Александром дословные цитаты (собственно «фрагменты»), но это по крайней мере позволяет провести границу между теми текстами, которые лишь упоминают о трактате в самых туманных терминах, и теми, в случае которых мы имеем дело с (очень) близким к оригиналу парафразом. Во-вторых, поскольку это приводит к тому, что я не могу пользоваться предложенной другими изданиями нумерацией фрагментов и свидетельств, я нумерую фрагменты самостоятельно, указывая при этом параллельную нумерацию по изданиям Розе, Росса и Жигона. В-третьих, в текст фрагмента 1 (комментарий Александра на *Metaph.* А.9, 990b8–29) я помещаю весь комментарий Александра 78.5–90.3, включая собственные замечания Александра, а также леммы из «Метафизики» (дополненные там, где Александр воспроизводит комментируемый текст Аристотеля в кратком виде). Здесь я в целом солидарен с Жигоном⁴⁸.

Напоследок стоит обсудить еще один важный для установления текста ОИ сюжет — проблему соотношения уже упомянутых выше *recensio vulgata* и *recensio altera*, которые со времен Германа Боница считались двумя «версиями», или «изданиями», комментария Александра Афродисийского. Работая над новым изданием комментария Александра на «Метафизику», Пантелис Голитсис обнаружил, что в действительности это закрепившееся

⁴⁸ Хотя он всё же включает в свой фрагмент 118.3 больше моего — в частности, комментарий Александра на *Metaph.* А.9, 990a33–b8, который не представляется мне имеющим отношение к ОИ.

в традиции убеждение является явно ошибочным, и т.н. *recensio altera* представляет собой *отдельный* позднеантичный комментарий на «Метафизику», составленный на основании комментария Александра, но, вне всякого сомнения, Александру не принадлежащий⁴⁹. Обстоятельства, в силу которых это заблуждение о том, что *recensio altera* является комментарием Александра, сложилось и закрепилось, достаточно поучительны, чтобы воспроизвести их здесь⁵⁰.

Герман Бониц при работе над изданием комментария Александра на «Метафизику» кроме двух греческих манускриптов, копиями которых он выполнил собственноручно (т.н. А⁵¹ и М⁵²), и латинского перевода Сепульведы использовал также частичную копию текста комментария манускрипта А^{b53}, выполненную и опубликованную Августом Брандисом (в 4-м томе *Opera omnia* Аристотеля, а также в Brandis 1837). Брандис в своем издании не делал никаких утверждений об авторстве комментария в А^b, однако Бониц помимо копии Брандиса опирался на описание рукописи Анджело Брандини, в котором было сказано, что в ней содержится комментарий Александра. Брандини, в свою очередь, опирался на позднюю (XV века) надпись на 2-м листе А^b, гласящую «*Метафизика* Аристотеля с комментарием Александра, всё по-гречески». Однако в изначальном тексте рукописи нет *никаких* атрибуций содержащегося в ней комментария Александру. И текст содержащегося в ней комментария отличается от текста Александра примерно так, как часто отличается от комментария Александра текст комментария на одно то же место у Аристотеля Аммония или Сириана — т.е. это просто *другой* текст, хотя и очевидно зависимый от текста Александра и в существенной степени написанный на его основе. Боница (который прежде всего был

⁴⁹ Golitsis 2016.

⁵⁰ Golitsis 2016: 565–567.

⁵¹ Paris. gr. 1876.

⁵² Paris. Coisl. 161.

⁵³ Знаменитый манускрипт Laurent. 87.12, являющийся основным представителем β-редакции «Метафизики» Аристотеля.

рад, что из A^b он может восстановить проэмию к комментарию, утраченный в имевшихся у него на руках рукописях) не смутили эти отличия, и он объяснил их тем, что до нас дошли две *редакции* комментария Александра — собственно, *recensiones vulgata et altera*, — из которых *altera* является, видимо, более ранней и менее совершенной версией (тот факт, что текст *recensio altera* уступает тексту классического комментария Александра, быстро становится ясен всякому, кто их сравнивает). Ошибка Боница печальна, но извинительна; менее извинительно то, что Михаэль Гайдук, которому был доступен A^b и который мог обнаружить, что в нем нет атрибуции текста Александру, повторяет тезис Боница о двух редакциях и издает свой текст, считая комментарий A^b принадлежащим Александру. После этого представление о двух редакциях, освященное двумя классическими критическими изданиями, закрепляется в сообществе и по сути не подвергается сомнению вплоть до работы Голитсиса в 2014 году — спустя более чем полтора века. Голитсис распутывает эту историю, указывает, что т.н. *recensio altera* — это отдельный комментарий, и предполагает, что его автором надо считать Стефана Александрийского, неоплатоника конца VI – начала VII веков н.э.⁵⁴

Для нас это важно прежде всего потому, что, строго говоря, текст комментария *recensio altera* (я продолжу называть этот текст таким образом за неимением лучшего названия; встречающееся в литературе обозначение LF — по буквенному наименованию двух кодексов, в которых до нас дошел этот комментарий, — представляется мне сбивающим читателя с толку, направляя его ум в сторону попытки расшифровки аббревиатуры) представляет собой *отдельное* свидетельство о содержании трактата ОИ. Полное и не стесненное рамками журнальной публикации издание перевода ОИ должно было бы включать и его текст. Однако в этом переводе я его полностью опускаю. Я делаю это не только из экономии места, но и потому что, дополнительная ценность, привносимая этим текстом, как признает большинство исследователей,

⁵⁴ Golitsis 2016: 583.

очень невелика. По большей части в том, что касается ОИ, *recensio altera* просто повторяет текст комментария Александра другими (а иногда и теми же самыми) словами. За исключением редких (и довольно тривиальных) дополнительных примеров в *recensio altera* нет почти ничего, чего не было бы в комментарии Александра. Поэтому здесь я принял решение этим текстом пожертвовать.

Текст свидетельств переведен по изданиям Росса⁵⁵ и Лесля-Харлфинегра⁵⁶. Текст Александра переведен по изданию Голитсиса⁵⁷ с отступлениями от него в специально оговоренных местах. Я привожу текст Александра подряд, перемежая его текстом Аристотеля, на который тот или иной отрывок текста Александра является комментарием.

Одна из главных трудностей при чтении текстов Аристотеля и аристотелевской традиции для современного читателя состоит в том, что зачастую неясно, где заканчивается одно рассуждение и начинается следующее. Чтобы облегчить чтение, я разбил текст на смысловые отрывки. Я также пронумеровал встречающиеся в тексте аргументы платоников и контраргументы Аристотеля, которые передает Александр. Сами аргументы платоников нумеруются прописными римскими цифрами (I, II, III). Контраргументы Аристотеля нумеруются арабскими цифрами в общем случае (1, 2, 3) и строчными римскими цифрами (i, ii, iii), когда тот или иной довод Аристотеля является контраргументом к конкретному из приведенных выше аргументов платоников (так, i — это контраргумент к I; ii — к II и т.д.). В некоторых случаях, которые плохо вписывались в эту схему, при нумерации частей текста мне пришлось отступать от нее; я оговариваю их отдельно в примечаниях к соответствующим местам.

Я также дополнял текст элементами, которые в нем напрямую отсутствуют, но подразумеваются, заключая их в угловые скобки. Думаю, большинство переводчиков опустили бы этот знак в боль-

⁵⁵ Ross 1951.

⁵⁶ Leszl 1975.

⁵⁷ Golitsis 2022.

шинстве из тех мест, где оставил его я, разумно рассудив, что хотя само *выражение*, которое я заключаю в скобки, в тексте отсутствует, оно столь явно подразумевается контекстом и узусом греческого языка, что помещать его в скобки — значит проявлять бессмысленный формализм. И всё же я решил использовать скобки часто и последовательно прежде всего по следующей причине. Мне хотелось, чтобы, с одной стороны, текст было удобно (и просто возможно) читать, а с другой — читатель мог понять, какие именно элементы этого текста встречаются у Аристотеля, а какие добавлены для удобства чтения переводчиком. Щедрое использование скобок помогает в решении обеих задач. Так, например, читатель поймет, что в тексте Аристотеля/Александра нет того обилия «вещей» («универсальных <вещей>», «отдельных <вещей>», «чувственно-воспринимаемых <вещей>»), которое я вынужден приписать ему в силу отсутствия какого-то иного удовлетворительного способа передать субстантивированные прилагательные, а также поскольку сам Аристотель никогда не говорит «платоники». В целом скобки дают мне бóльшую свободу в построении фразы понятным и удобным для читателя образом; при этом, дополняя текст по смыслу и для удобства чтения, я одновременно оставляю читателю возможность увидеть, чего в нем в собственном смысле нет.

Аристотель. Об идеях

Свидетельства⁵⁸

$T_1 = F_1 R = 185 R^3 = 115^* G^{59}$ (Syrian. *In Metaph.* 120.33–121.4)⁶⁰.
Что ему <Аристотелю> нечего больше сказать против гипотезы о <существовании> Форм ($\tau\acute{\omega}\nu \epsilon\acute{\iota}\delta\acute{\omega}\nu \upsilon\lambda\acute{o}\theta\epsilon\sigma\iota\nu$), показывает как первая книга этого трактата, так и написанные им две книги трактата «О Формах». Ведь он <в этих трех случаях>, везде используя приблизительно эти же самые полемические аргументики⁶¹ и <лишь> иногда, дробя их на части и подразделяя, а иногда передавая их более сжато, пытается он критиковать старших⁶² философов.

$T_2 = F_1^* R = 185^* R^3 = 116^* G$ (Syrian. *In Metaph.* 195.10–15)⁶³.
Вот те <доводы>, с помощью которых Аристотель в этих <книгах>

⁵⁸ О нумерации свидетельств и фрагментов см. с. 24.

⁵⁹ Знаком * обозначены случаи, когда указанный фрагмент издания совпадает с приводимым в переводе лишь частично: т.е. текст фрагмента, который печатается в указанном издании, либо превосходит по объему тот, что переводится здесь, либо, наоборот, уступает переведенному фрагменту по объему.

⁶⁰ Это комментарий Сириана к высказыванию Аристотеля, которым тот закрывает критику теории идей в конце М.5 — т.е. ту критику, которая совпадает с содержанием первой части А.9 (далее в А.9 идет часть, которой в книге М нет).

⁶¹ Ἐπιχειρήματα — гапак в корпусе греческого языка. Ἐπιχείρημα — термин для аргумента, прежде всего в контексте диалектической беседы. Сириан использует его с уменьшительным суффиксом — явно в пренебрежительном смысле. Цель Сириана, как неоплатоника, в его комментарии — прежде всего в том, чтобы показать, что критика платонизма Аристотелем в двух последних книгах «Метафизики» не достигает цели; здесь, как и в некоторых других местах, его тон весьма неучтив.

⁶² Τοῦς πρεσβυτέρους ἑαυτοῦ φιλοσόφους. Здесь πρεσβυτέρος может значить и «более древний», и «более старший», и «более почтенный». Вероятно, Сириан говорит πρεσβυτέρους ἑαυτοῦ, потому что и сам Аристотель в его глазах вполне πρέσβυς. Возможно также, что в этом вновь можно увидеть проявление платонической позиции Сириана: платоники, которых Аристотель критикует, исподволь обозначаются как «более почтенные».

⁶³ Сириан комментирует здесь начало самого последнего абзаца всей «Метафизики» (1093b22 sq.), в котором Аристотель подводит итог своей критике платонизма.

возражает против учений пифагорейцев и платоников. И в число этих ⟨доводов⟩ также входят ⟨доводы⟩, высказанные в книге Альфа бóльшая, о чем упоминает в своем комментарии и Александр⁶⁴. Поэтому, хотя мы и обратили наше внимание⁶⁵ ⟨только⟩ на первые, мы не считаем, что мы ⟨тем самым⟩ упустили последние (не исключая и тех, которые он высказал в двух книгах ⟨трактата⟩ «О Форммах»: ведь и там он повторяет почти эти же самые ⟨доводы⟩).

$T \ 3 = F \ 1^* \ R = 185^* \ R^3 = 120^* \ G$ (Ps.-Alex. *In Metaph.* 836.34–837.3)⁶⁶. Сказав это, он подводит итог всему рассуждению в целом словами «Итак, следствия...» — ⟨то есть следствия⟩ для тех, кто вводит Формы-числа и постулирует, что математические предметы существуют отдельно, а также утверждает, что они суть причины естественных ⟨сущностей⟩ — «имеют указанный вид⁶⁷, и ⟨из их тезисов⟩ можно было бы вывести⁶⁸ еще больше ⟨подобных след-

⁶⁴ Это *очень* странное замечание. Такая ссылка на Александра, кажется, должна свидетельствовать, что сам Сириан с текстом книги А «Метафизики» Аристотеля не знаком (?) — в противном случае едва ли ему понадобился бы авторитет Александра, чтобы доказать тот очевидный тезис, что часть книги А совпадает с частью книги М.

⁶⁵ Ἐπιστήσαντες: возможно, ἐπίστημι здесь используется не в значении «обращать внимание», но в значении «выступать против» — так переводят, в частности, Росс и Дзанатта. Сириан действительно часто не столько рассматривает сами доводы, сколько сразу возражает на них; но всё-таки обзор также входит в его цели.

⁶⁶ Пс.-Александр комментирует здесь точно то же место, что и Сириан в предыдущем отрывке: 1093b22 sqq.

⁶⁷ Пс.-Александр несколько изменяет цитату текста «Метафизики», которую он комментирует: там, где у Аристотеля было τὰ μὲν οὖν συμβαίνοντα ταῦτά τε κἄν ἔτι πλείω συναχθεῖν, он дает τὰ μὲν οὖν συμβαίνοντα τὰ ῥηθέντα ἐστὶ καὶ ἔτι πλείω συναχθεῖν.

⁶⁸ Συναχθεῖν: συνάγω здесь обычно понимают буквально как «собрать» — так это передает абсолютное большинство переводчиков. Но Аристотель использует συνάγειν в т.ч. в логическом смысле, близком к συλλογιζέσθαι: «заклЮчить, вывести, доказать»; см. также *Index Aristotelicum* 721b12–21; в b18 Бониц приводит наше место — 1093b25 — как пример именно этого смысла. Ср. еще συναγαγεῖν в М.5, 1080a11, где Аристотель также подводит итог своей критике идей и которое Сириан комментирует в Т 1, и в комментарии Александра 78.7.

ствий)» — (он подразумевает) написанные им две книги о Форммах, которые, однако, отличаются от книг М и N и не входят в состав «Метафизики».

$T_4 = T_1 R$ (Ps.-Philop. *In Metaph.* f. 67b)⁶⁹.

То, что он написал об идеях в (в соответствующем трактате в) двух книгах, отличающихся от этих (книг) 13 и 14 и не входящих в состав «Метафизики»⁷⁰.

$T_5 = F_2 R = 186 R^3 = 117 G$ (Σ Dion. Thrac. 116.13–16 Hilgard)⁷¹.

Следует понимать, что определения относятся к вещам универсальным и вечно пребывающим⁷² — как то утверждал и Аристотель в своих книгах⁷³ «Об идеях»⁷⁴, которые написаны им против идей Платона. Все частные (вещи) (μερικᾶ) изменяются и никогда не остаются одинаковыми, тогда как (вещи) универсальные (καθόλου) — неизменны и вечны.

⁶⁹ Это византийский комментарий, ошибочно приписываемый Иоанну Филопону, изначально написанный по-гречески, сохранился лишь в латинском переводе Франческо Патрици 1583 года. Переиздание этого комментария с введением на немецком: Lohr 1991. Пс.-Филопон комментирует здесь то же место, что и Пс.-Александр и Сириан: самый последний абзац всей «Метафизики».

⁷⁰ Мало сомнений, что источником для этой схолии послужил Пс.-Александр (см. T 3) либо источник, которым сам Пс.-Александр пользовался при составлении своего комментария: совпадение в формулировке почти дословное.

⁷¹ Розе, указывая на явную атрибуцию некоторых частей текста далее в той же рукописи Стефану Философу, считает, что именно этот неоплатоник является автором этих схолий и в данном случае. Не все с этим согласны (Karpp 1933: 388, п. 1); но любопытно, что, если это так, то это тот же автор, которому атрибутирует *recensio altera* Голитсис (Golitsis 2016: 283).

⁷² По-гречески, как и по-русски, эту фразу можно понять в двух смыслах: 1) определения сами являются одним из видов универсальных и вечно пребывающих вещей; 2) определения бывают только у универсальных и вечно пребывающих вещей. Второе понимание выглядит предпочтительным, но первое также не является невозможным.

⁷³ В рукописи стоит ἐν τῷ Περί ἰδεῶν. На ἐν τοῖς исправляет в своем издании Розе; последующие издатели принимают это чтение, но, в отличие от Розе, не сигнализируют конъектуру в аппарате.

⁷⁴ Некоторые издатели (Розе, Росс) печатают περὶ ἰδεῶν со строчной буквы, но я (вместе с Жигоном) не вижу, что мешает нам считать, что схолиаст приводит здесь именно название трактата.

Литература

- G = *Aristotelis Opera*. Vol. 3: *Librorum deperditorum fragmenta*. Collegit et annotationibus instruxit Olof Gigon. Berolini et Novi Eboraci: Walter de Gruyter, 1987.
- R = *Aristotelis fragmenta selecta*. Recognovit brevique adnotatione instruxit W.D. Ross. Oxonii: e typographeo Clarendoniano, 1955.
- R³ = *Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta*. Collegit Valentinus Rose. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri, 1886.
- Bodéüs, R., ed. (2001), *Aristote. Catégories*. Paris: Les Belles lettres.
- Bonitz, H., ed. (1847), *Commentarius Alexandri Aphrodisiensis in libros metaphysicos Aristotelis*. Berolini: G. Reimer.
- Brandis, C.A. (1823), *Diatribae academicae de perditis Aristotelis libris de ideis et de bono sive philosophia*. Bonnae: apud E. Weber.
- Brandis, C.A., ed. (1837), *Scholiae Graecae in Aristotelis Metaphysica*. Berolini: Typis academicis; impensis G. Reimeri.
- Crubellier, M. (2012), “The Doctrine of Forms under Critique: Part II (*Metaphysics A 9*, 991b9–993a10)”, in O. Primavesi and C. Steel (eds.), *Aristotle’s Metaphysics Alpha: Symposium Aristotelicum*, 297–334. Oxford University Press.
- Crubellier, M.; Gazziero, L., eds. (2025), *Le Peri ideôn d’Arisote*. Leuven et al.: Peeters.
- Düring, I. (1957), *Aristotle in the Ancient Biographical Tradition*. Göteborgs Universitets. Göteborg: Elanders Boktryckeri Aktiebolag.
- Fine, G. (1993), *On Ideas. Aristotle’s Criticism of Plato’s Theory of Forms*. Oxford: Clarendon Press.
- Frede, D. (2012), “The Doctrine of Forms under Critique: Part I (*Metaphysics A 9*, 990a33–991b9)”, in O. Primavesi and C. Steel (eds.), *Aristotle’s Metaphysics Alpha: Symposium Aristotelicum*, 264–296. Oxford University Press.
- Gigon, O., ed. (1987), *Aristotelis librorum deperditorum fragmenta*. Berolini et Novi Eboraci: Walter de Gruyter.
- Gohlke, P. (1928), “Untersuchungen zur Topik des Aristoteles”, *Hermes* 63.1: 457–479.
- Golitsis, P. (2016), “Who Were the Real Authors of the *Metaphysics* Commentary Ascribed to Alexander and Ps.-Alexander?”, in R. Sorabji (ed.), *Aristotle Re-Interpreted: New Findings on Seven Hundred Years of the Ancient Commentators*, 565–587. Bloomsbury Academic.

- Golitsis, P., ed. (2022), *Alexander of Aphrodisias. Commentary on Aristotle, Metaphysics (Books I–III)*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter.
- Hayduck, M., ed. (1891), *Alexandri Aphrodisiensis in Aristotelis Metaphysica commentaria*. Berolini: Typis et impensis Georgii Reimeri.
- Isnardi Parente, M. (1967), “Per l’interpretazione della dottrina delle idee nella prima accademia platonica”, *Annali dell’Istituto italiano per gli studi storici* 1: 9–33.
- Jaeger, W. (1912), *Studien zur Entstehungsgeschichte der Metaphysik des Aristoteles*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung.
- Jaeger, W. (1948), *Aristotle: Fundamentals of the History of his Development*. Trans. by Richard Robinson. Oxford: Clarendon Press.
- Karpp, H. (1933), “Die Schrift des Aristoteles ΠΕΡΙ ΙΔΕΩΝ”, *Hermes* 68.4: 384–391.
- Leszl, W. (1975), *Il “De ideis” di Aristotele e la teoria platonica delle idee. Edizione critica del testo a cura di Dieter Harlfinger*. Firenze: Leo S. Olschki.
- Lohr, C.H., ed. (1991), *Pseudo-Johannis Philoponi expositiones in omnes XIV Aristotelis libros metaphysicos*. Übersetzt von Franciscus Patritius; neudruck der ersten Ausgabe Ferrara 1583 mit einer Einleitung von Charles Lohr. Stuttgart; Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog.
- Mansion, S. (1949), “La critique de la théorie des idées dans le ΠΕΡΙ ΙΔΕΩΝ d’Aristote”, *Revue philosophique de Louvain* 47: 169–202.
- Moraux, P. (1951), *Les listes anciennes des ouvrages d’Aristote*. Louvain: Éditions universitaires de Louvain.
- Ravaisson, F. (1837), *Essai sur la métaphysique d’Aristote*. Vol. 1. Paris: Vrin.
- Rose, V. (1854), *De Aristotelis librorum ordine et auctoritate commentatio*. Berlin: Georg Reimer.
- Rose, V. (1863), *Aristoteles pseudepigraphus*. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri.
- Rose, V., ed. (1870), “Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta”, in *Aristotelis Opera*. Vol. 5, 1461–1590. Berolini: Typis et impensis Georgii Reimeri.
- Rose, V., ed. (1886), *Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta*. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri.
- Ross, W.D., ed. (1955), *Aristotelis fragmenta selecta*. Oxonii: e typographeo Clarendoniano.
- Wilpert, P. (1940), “Reste Verlorener Aristotelesschriften bei Alexander von Aphrodisias”, *Hermes* 75.4: 369–396.
- Wilpert, P. (1949), *Zwei Aristotelische Frühschriften über die Ideenlehre*. Druck und Verlag Josef Habel.
- Zanatta, M., ed. (2010), *Aristotele. Frammenti. Opere logiche e filosofiche. Testo greco a fronte*. Milano: Bompiani.